

12+

Мария Знобищева

Дышит степь

Мария Знобищева

Дышит степь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Знобищева М.

Дышит степь / М. Знобищева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Новая книга Марии Знобищевой включает стихотворения, написанные за последние пять лет. Лица и образы, увиденные сквозь призму "живого" и "мёртвого" миров, определяют вектор духовного поиска автора-современника.

Содержание

Ток	5
Ивовый прут	6
Цапля	7
Оторвался и летит	8
Жечь	10
Дождь в лесу	14
Марфы	16
Человек	18
В деревнях, занесённых то листьями, то снегами...	20
Замри-отомри	22
Поговори с деревьями	23
Новогодняя песня прохожего	24
В Вифлееме	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ток

Бывает так: какой-то пойман ток –
И чувствуешь, себя не замечая,
Как дышит степь, как тёпел лепесток
Задетого случайно Иван-чая.

Томительно зальётся коростель.
Спроси его: «Зачем живёшь на свете?
Жевать и выживать? Рожать детей?»
– Жить! Жить! – как будто споря, он ответит.

И летним солнцем выжженная высь
(На деревенских загорелых лицах
Так светятся глаза: смотри, молись,
А не умеешь – научись молиться) –

Сквозная высь! – так яростно светла,
Так вся насквозь иссечена стрижами,
Что ты не понимаешь, как могла
Так долго жить чужими миражами.

Растёт ли стебель, плачет ли дитя,
Старик ли тихий выйдет за калитку –
Случайно пойман ток, и ты в сетях,
Как будто кто сквозь сердце тянет нитку.

...И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом –
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом – по сумасшедшим шпалам.

Ивовый прут

Лодка тычется в землю: «Хозяин, ты тут?»,
И песок из овражка течением вымыт.
Только тронь эту лодку – и все оживут:
Запоют, засмеются и вёсла поднимут.

По воде разойдётся таинственный круг.
У реки и повадка, и память иная –
Быстрых ног, узловатых натруженных рук:
«Я теку не для вас и о них вспоминаю».

Ивы склонятся ниже. Заблещет роса.
Земляничины луг припасёт до покоса.
Над рекой поплывут в тишине голоса.
И костлявый мальчонка с облупленным носом

Сломит тонкую ветку, чтоб выстругать лук,
Снимет клейкую кожицу, око прищурит, –
Да и бросит лозину, почуявши вдруг,
Как заветная щука в корнях балагурит.

...Только тронь эту ветку – и все оживут,
Будто нас, а не их провожают на тризне.
Оголённый до зелени ивовый прут.
Запах жизни.

Цапля

Я иду за словами, не ведая брода,
Как тяжёлая цапля, нырнувшая в воду,
От людей заслоняюсь тоской и рекой.
И река удивляется прыти такой.

А потом – уморительно щёлкаю клювом,
Неуклюже пытаюсь сказать, что люблю вас,
Запрягаю четвёрки стремительных строк,
Но мой птичий язык старомоден и строг.

Цапле хочется сцапать в подводном полёте
То, чего не найти в окаянном болоте:
Лунный лучик, серебряный ключик, намёк,
Только мишка без лапы и зайчик промок.

Наловила же слов – судаков и налимов,
Накормила птенцов, пока вечер малинов,
Но пока по костям разбирали улов,
Не осталось ни звука от пойманных слов.

Оторвался и летит

Лети, лети, не понимай
Конца печальной пьески...
Я помню твой зелёный май,
Твой запах достоевский,

За нитку облако ведя,
Вся ветка дождь держала,
А ты был капелькой дождя,
Она в тебе дрожала.

Как то, что слуги стерегут,
Как самоцветный камень,
Ты изумруден был, как пруд,
В который капля канет.

Но в жилы тонкие твои
Втекло тепло тугое,
Как будто молвило: «Твори,
Зеленокудрый Гойя!

Продлись, как «весь я не умру»,
А мы, как капли, канем».
...И ты раскрылся на ветру
Сплошным рукоплесканьем.

Ты пел три ночи и три дня,
Ты жил, ты был великим,
Ты, сумрак матовый дразня,
Бросал на стёкла блики.

Ты опускался, ты взлетал,
Кляня уклонов малость,
И так на ветке трепетал,
Что вся она вздымалась!

Я глаз не смела отвести
От твоего полёта...
Но вот ты вырвался.
Лети -
Там начинаются пути:
Быстрины и высоты.

Ты не боишься высоты
И хочешь быть красивым,
Но это «ты» – уже не ты:
Намёк, подсказка, символ.

О чём летишь ты в дождь и дрожь,
О чём блистишь опалом?..

А ночь придёт – о чём вздохнёшь?
Кому, мой маленький, махнёшь
Ладонкой шестипалой?

Жечь

Неугасимо,
невыносимо
жжёт.
Кто говорит, что правда красива, –
лжёт.
Там, за нарядным
занавесом словес –
Дышащий мёдом, тронутый ядом
лес.

О, красота, как зла ты
и как горька!
Жидкое золото
на кончике языка,
Бунт иноверца,
древней змеи укус,
Цепко держащий сердце
терновый куст.

Хочешь ходить? Почувствуй,
что каждый шаг –
Это искусный
танец меж спицей, шпаг.
Даже цветы
источают росу и желчь...
– Жить – это больно?
– Будет немножко жечь.

***

Как в первой половине жизни нужно
Тянуться ввысь за книгою запретной –
Запрятанной, а потому заветной,
Или ещё – за самой верхней веткой –
Или ещё – с любовью безответной
К любимому,

Так нужно во второй
Над кем-нибудь или чем-нибудь склониться:
Станком токарным, чистою страницей,
Над колыбелью (знать бы, что им снится) -
Весь первый год – попытка снова слиться
И просьба заповедная: «Укрой!»

Растут, растут деревья, чтобы после,
Как светлый дар, принять июньский постриг.
Раскинув ветви, жить сознанием пользы,
Чтоб мир нашли – кому летать и ползать:
Кто в шуме крон, кто – в сморщенной коре.

А что потом? Нежнее стать и ниже,
Смотреть, как солнце дни на нитку нижет:
Вот первый жёлтый лист, а вот и рыжий...
Отдать их все? Смириться?..
Погоди же.
Поговорим об этом в ноябре.

***

Когда ничего не останется, кроме
Странички в альбоме,
таблички на доме,
Поймёшь, человеческий удел одинаков:
«А в этом углу сапоги Пастернака».

Не слёзы, не взлёт бузины над карнизом,
Не боль, на которую воздух нанизан,
Не слово – как зарево, зревшее долго,
Не образ, не голос,
не возглас над Волгой,

А строчки, которые чьей-нибудь дочке
Дадут прочитать на десятом годочке,
Как редкий пример стихотворного текста,
В котором и пресно ей будет, и тесно.

Проверив, а точно ли не обознались,
Стихи понесут на подробный анализ -
Искать в нём метафоры, рифмы, рефрены,
Мусолить мораль на предмет гигиены,

Подсчитывать слоги, итожить итоги,
Узлом заплетаться в мыслительной йоге,
И чувствовать мудрости ранней усталость,
Чтоб после совсем ничего не осталось.

***

Не ведал Данте, что сказать
О райских кущах, но, быть может,
Их шевеленье чем-то схоже

С концом игры. Ты жил – и прожил.
Теперь развязывай глаза!

И отирая пот с лица
(Как жарки были эти жмурки!),
Хоть тени ищешь, хоть фигурки
Из той, оставленной, конурки,
И плачешь, и зовёшь Отца.

Но звуки зова твоего
Безгласны. Мысль терзает немо -
Так, что невольно вспомнишь немощь
Младенца, видящего небо,
И кроме неба – ничего.

– А руки?

– Нет.

– А губы?

– Нет...

Так можно ли поведать людям
О светлом рае, где не будет
Земных волнений и примет?

Растопчут, высмеют, осудят...
И потому молчал поэт.

***

Я люблю такие души –
Как урочища лесные,
Коим кроны непокорны,
Коим комнаты тесны.
Там по-прежнему на стрежень
Выплывают расписные
Ни минуты не смешные
Остроносые челны.

Там для каждого найдётся
Угол тёплый и зелёный
С хвойной шепчущей опушкой
И подушкой моховой,
Словно бродишь среди сосен
С просветлённой, удивлённой,
Запрокинутой к верхушкам
Лёгкой-лёгкой головой.

Там поют и плещут листья
В соловьином исступленьи,

Пихта мокрыми глазами
Прижимается к звезде,
И, хрустя листом брусничным,
Тонконогие олени
Пробираются неслышно
К замерзающей воде –

Той, которая качает
В тёмной глубине чьи-то лица,
Той, что ластится, струится
В голубых объятьях льда.
Там, омытые печалью,
Твой двойник, моя двойница,
Отражённые случайно,
Остаются навсегда.

Дождь в лесу

Может, лес напитается ливнем, –
Так, не ливнем, а дождичком редким, –
Станет солнечным, станет счастливым:
Мягкий мох, озарённые ветки.

Может, струны возьмут за живое
Рост макушек, привычный как навык,
Это царство нахохленной хвои,
Пересохших болотных канавок.

Лес-угрюмец, ты – чопорный немец,
Пьющий чинно небесную воду.
Я люблю твою чёрную немочь
За четыре часа до восхода.

Но, моя дорогая громада,
Сделай что-нибудь, глупое слишком:
Разрыдайся, намокни как надо,
Хоть однажды швырни в меня шишкой!

Дождик хочет как лучше, как проще –
Весь он – память о гаснущем лете...
Может, есть кто живой в этой роще,
В этом доме, на этой планете?

***

Пора, пора бы стать степенней...
Из хоровода пышных свадеб
Сбегает лето по ступеням
Заброшенных степных усадеб.

Пока предвестьем невесёлым,
Треща, заходится сорока,
Шумит каштановым подолом
По листьям, высохшим до срока.

Бежит, пути не разбирая,
Ловя лицом паучьи сетки,
На край потерянного рая –
К заросшей травами беседке,

Где если есть ещё беседы,
То только, может, – ветки с ветром,
Где у раки макушки седые
Потусторонним странным светом, –

И там встаёт у переправы,

Над плёсом затхлым и угрюмым...
И слёзы яблоками в травы
Срываются с тяжёлым шумом.

Марфы

Слава тем, кого поэты
Никогда не воспоют,
Но при этом,
Кем одеты
И обуты,
И согреты,
Чьи едят они котлеты,
Чьи чай ночами пьют.

Слава полным пены ванным,
Белым безднам чистоты,
Слава запахам лаванды,
Платьям, скрученным в жгуты,
Вереницам, караванам
Накрахмаленной, не рваной,
Ношенной ещё Иваном,
Полотняной красоты.

Слава пару над плитой,
Скрипу банок летним днём.
Словно солнцем налитое,
В них – варенье золотое
Или что-нибудь простое:
Огурцы, грибы... «Не стоит,
Много думать о земном, –

Скажут мудрые поэты,
Взор вздымая к облакам, –
В мире радость, в мире лето,
В сердце рай, а тут – вот это!
Кстати, съел бы. Больше нету?
Вкусно, кстати. Кстати, ам!»

Их не сравнивают с музой,
(Музы в кухне не живут),
Дескать, лоб их слишком узок
Для гонимых небом музык.
Век прекрасных андалузок
Мал, как срок земных союзов...
Слава тем, кого обузой
Через годы назовут.

Тем, чьи руки, словно арфы,
Держат спицы и клубки,
Всем землянам вяжут шарфы,
Шапки, варежки, носки, –

...Слава вам, святые Марфы,
Меркнувшие огоньки...

Человек

Листья падают, дождь ли, снег, –
После странствий своих недалних
На земле лежит человек –
Тих, как шёпот в исповедальне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек,
Каждый день, каждую минуту.

***

Не говорите, что понятен
Язык заборов и подвалов,
Пинков, плевков, пощёчин, пятен -
Всего, чем юность рисовала,

Чем говорить она пыталась,
В три буквы складывая повесть
О том, что ранняя усталость
Больней, чем раненая совесть.

И брань вылаивают рьяно
Подъездов каменные глотки,

И в осужденье неустанном
Дрожат у женщин подбородки...

Но слово – разве виновато?
Оно о правде скажет прямо.
Там, на снегу за интернатом
Не «мать» написано, а «МАМА» -

Не у дороги, где машины,
А чуть в сторонке, безобидно,
Такими буквами большими,
Что даже с неба будет видно!..

Но снег сойдёт, и больше станет
Причин и мест для безобразий.
И слово нежное растает
Средь мать-и-мачехи и грязи.

В деревнях, занесённых то листьями, то снегами...

В деревнях, занесённых то листьями, то снегами,

Чёрным маслом лоснясь, вздымается чернозём.

Перейдёшь через реку с кисельными берегами,

И увидишь у края хату – там и живём.

До неё через рощу – тропинкой – всё прямо, прямо.

А за хатой нашей кладбище да пустырь.

– Гуси-лебеди? Пролетали... Куды – не знамо.

Печка знала, но этой печки и след простыл.

Облетевшим пеплом в травах змеится проседь,

Зеленей не станут – сколько воды ни лей...

Разве яблоня помнит?.. Ветви поднять попросит,

А они Креста Голгофского тяжелей.

И река не укроет. Она и сама как рана.

Нынче лебеди низко – чую: не быть добру.

Так что ты не надейся, Марья. Ищи Ивана

За горой, во сыром бору, на крутом яру.

А найдёшь – не узнаешь. Он уж не тот, сестрица,

Так что ты погоди чуток, не сымай платка.

Стал он зол и велик, ему уж, поди, за тридцать,

А в глазах заозёрной хмарью стоит тоска.

Заросли все дороги... Куда вам обоим деться?

Как живую водой, умойтесь своей виной.

Унесли гуси-лебеди синее ваше детство

Прямо в кущи небесные, за море, в мир иной.

Замри-отомри

Мир играет в «замри-отомри».
Настрадавшись, деревья застыли.
Чиркнешь спичкой – пицат снегири,
Узнавая, ерошатся: «Ты ли?».

Но метель обещает: «Усну-у... –
В белом саване, в платье ли бальном...»
Пламя гаснет – ты снова в плену,
Как дитя на столе пеленальном.

«Спи, не плачь, не боли, не дыши», –
Баюг няньки у края могилы.
Ты, носящая имя души,
Хоть бы крылышком пошевелила!

Слишком холодно... Слишком стара.
Даже вот у деревьев – кора.
И не надо пытаться, что под ней.
Там, под ней – и того холодней.

Поговори с деревьями

Поговори с деревьями. Они
Попятились, слегка ослеплены
Неласковым голубоватым блеском
Ещё вчера уступчивой реки,
А нынче лёд сверлили рыбаки,
Последний луч натягивая леской.

Поговори. Их шум шероховат.
Зелёной лести листьев, говорят,
Не пить реке до самого июня.
Но чуткий смысл, что каждой веткой гол,
Тугой, узлами скрученный глагол,
Того луча неистовой и струнной.

Я рядом, дерево. Едва дышу.
Но дышишь ты, а всё другое – шум,
И я цепляюсь за тебя корнями.
Я выживу и тоже – прорасту,
Вонзая ветки в злую мерзлоту –
За облако, парящее над нами.

Новогодняя песня прохожего

Сомкнутых губ прохлада,
Елей седая стать,
Горечь голого сада...
Ты говорила, надо
Просто уметь читать.

Улицы словно полки,
Стынут дома-тома.
В каждом окне ёлка.
В каждом окне ёлка.
Хочешь, читай сама:

Там – чемоданы, сумки.
Дом – принимай гостей!
Там – на стене рисунки.
Там – мельканье посуды
И голоса детей.

«Папа, побудь лошадкой!»
Память – полночный тать...
Там – лицо над кроватью.
Там поцелуй украдкой.
Это – перелистать.

В праздник людские души
Вроде рыхлых перин,
Все голоса глуше
И все глаза суше.
Солнце – как мандарин.

Тянется ночь так долго,
Вечная ночь во мне...
В каждом окне ёлка,
В каждом окне ёлка.
Ёлка в каждом окне.

В Вифлееме

Она улыбалась спокойно и чуть горделиво:
От дома Давидова древний продолжился род.
И зрела луна, словно с ветки склонённой оливы
Под собственной тяжестью к людям сорвавшийся плод.

Она улыбалась и плакала. Что-то в Ней пело,
Не зная до времени скорби грядущих потерь.
И боль позабыла, не смея поверить, что тело
Пригодно к рождению и к Чуду причастно теперь.

Младенец не спал, и глаза Его были как звёзды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.